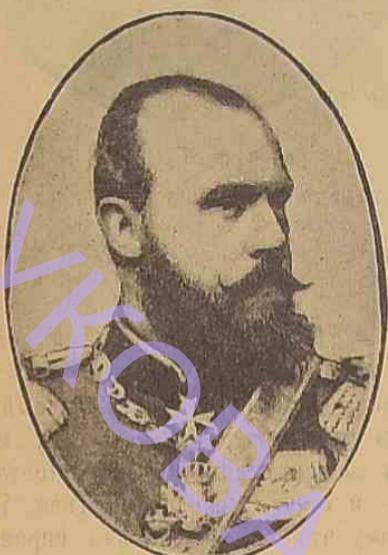

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

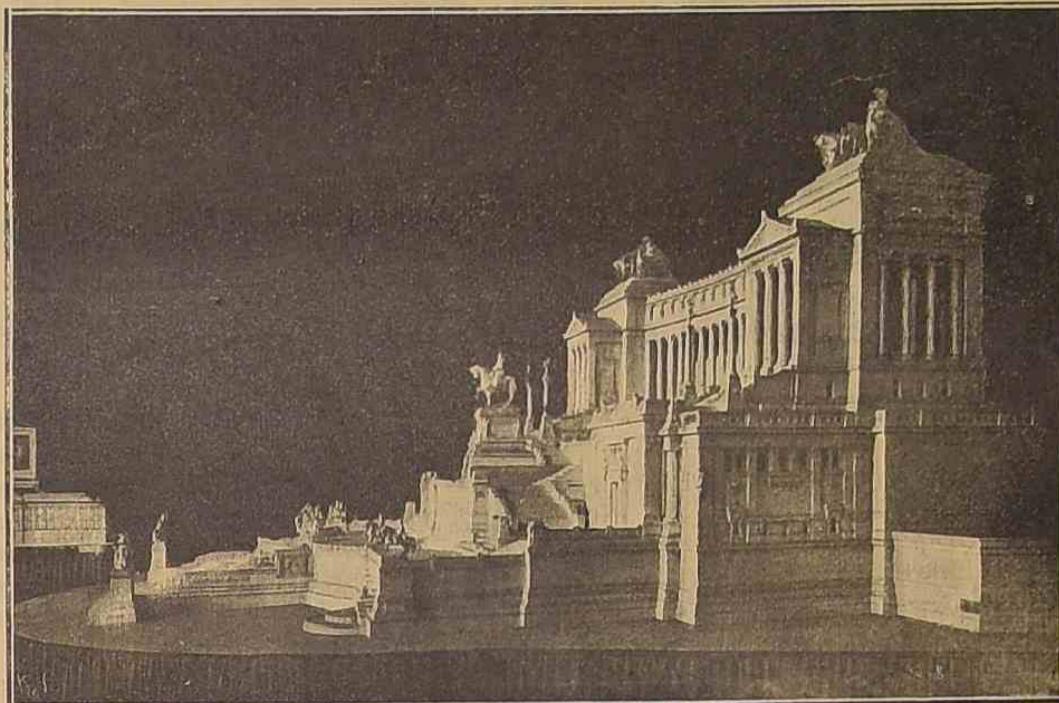
№ 7024.

Пятница, 8-го сентября 1906 г.

№ 7024

Принцъ Альбрехтъ пруссій.
† 31 августа.

Монументъ-мавзолей королю Виктору-Эммануилу въ Миланѣ, разрушенный недавнимъ пожаромъ.

Полина Віардо,
зваменитая п'вица, другъ Тургенева.
(Къ 60-лѣтію со дnia рожденія).

Скорбь.

Станислава Бржозовскаго.
(Переводъ съ польскаго).

Когда Орскій вернулся домой съ похоронъ, уже на лѣтцѣ сердце у него стало биться тревожно и беспокойно, какъ всегда, а когда онъ вкладывалъ ключъ въ замокъ, у него чуть не сорвалось съ языка: „Что съ барыней!“— слова, съ которыми онъ обыкновенно встрѣчалъ горничную. Онъ вошелъ въ сѣнъ отворилъ дверь, ведущія направо и сквозь слезы увидѣлъ застланную пустую кровать, зашатался и, дотащившись почти на четверенькахъ къ постели, зарылъ голову въ подушки...

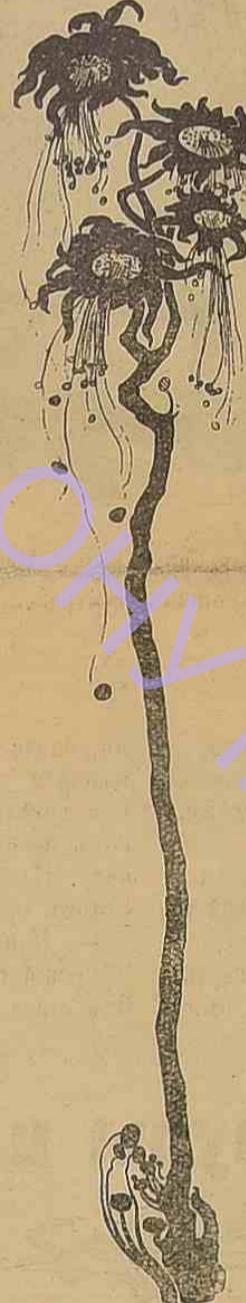
„Яня, Яня, Яня!— стоялъ онъ шепотомъ; поднявъ голову и безсмысленнымъ взоромъ стала вглядываться въ стѣну, продѣливъ руками какія-то странная ласкающая движенія... Вдругъ онъ вскочилъ, съ какимъ-то беспокойствомъ перебросилъ все бумаги, разбросанные на столѣ, вичего не напечь, безсознательно искалъ чего то во всѣхъ углахъ комнаты, наконецъ, замѣтилъ фотографическую карточку и пучекъ волосъ, завернутыхъ въ бумагу.

Онъ прижалъ волосы къ губамъ, а карточку такъ приблизить къ глазамъ, что ничего не могъ видѣть,

„Упокой, Господи Боже, душу!— закричалъ онъ вдругъ какомъ-то полудикимъ, охрипшимъ, угрожающимъ и полнымъ ненависти голосомъ. „Вѣчнай покой!“,— повторилъ онъ еще страшне и упалъ на доль.

Черезъ минуту онъ привсталъ немножко и полусогбенный сталь молить: „Господи, прости, Господи, забудь, не мести ей, Господи, будь лобъ къ ней, Господи...“

„Яна... Яна!...“ зарыдалъ онъ вдругъ и снова повалился ва подъ. Долго такъ лежалъ онъ на полу безъ движеній;

сумерки забрались уже въ комнату, когда онъ поднялся съ земли съ окочепѣвшими отъ холода и скаменѣвшими отъ твердаго пола членами. Въ головѣ ни одной мысли, только тупая боль. Сѣль на кровать и смотрѣлъ въ темныи сумерки. Явка куда то ушла, но она сию минуту вернется, вернется... Около шкафа, стоящаго въ углу, пробѣжала мышь, задѣявъ бумаги, лежавшия въ кучѣ.

— „Что это?“— крикнулъ онъ. Было тихо, но въ этой тишинѣ оль слышалъ множество странныхъ, незнакомыхъ звуковъ.

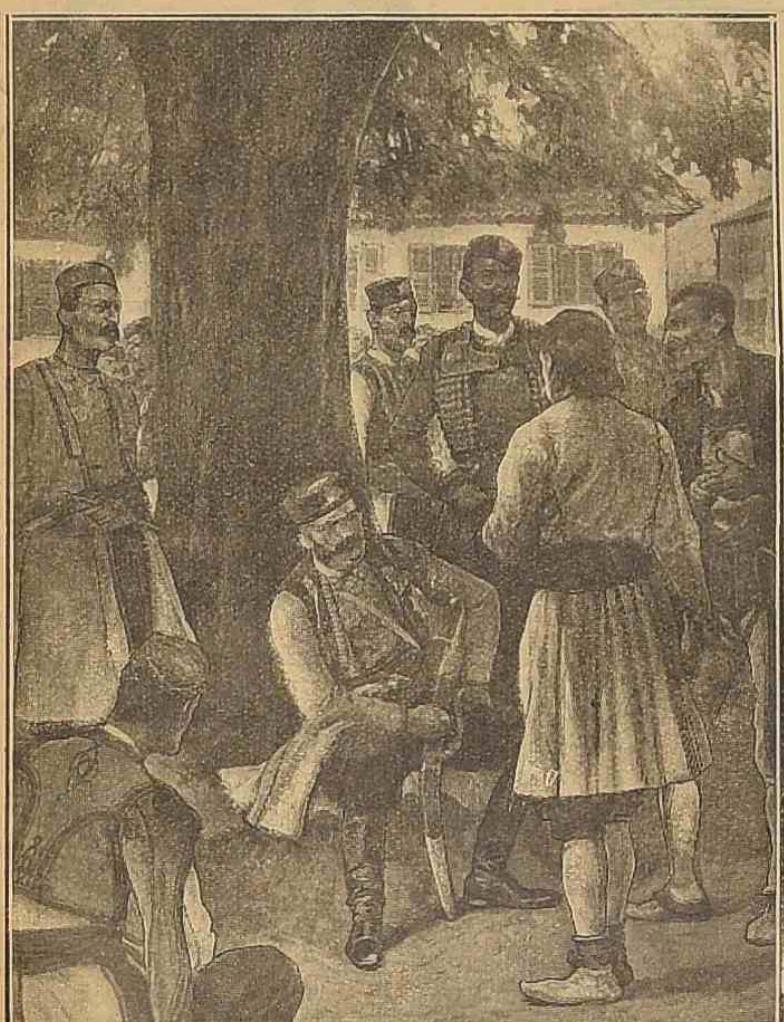
— Я боюсь...— шепталъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Снова шорохъ.

— Что это?.. Что это? Явя!— крикнулъ онъ и още больше испугался своего собственнаго голоса: такой это былъ дикий, страшный, одмасляній крикъ. Снова все стояло; но только мозгъ его былъ полонъ шума. А если бы она вдругъ пришла, сѣла у тебя на колѣни и протянула бы свои уста для поцѣлуя...

Передъ глазами у него проскользнуло худое, желтое лицо... Онъ схватилъ пальто, всплѣшилъ на голову шляпу и въ одинъ мигъ былъ уже на лѣстнице.

На улицѣ онъ началъ немножко приходить въ себя и пошелъ впередъ, прямо передъ собой... лишь бы только ходить, ходить... Куда вдти?— самыя фамиліи звакомыхъ возводили въ немъ отвращеніе. Дождь падалъ, тротуары были скользкіе, мокрые, какако-то грязь висѣла въ воздухѣ.

Такъ ходить люди, которымъ есть куда возвращаться, и онъ такъ годилъ когда то... Онъ громко заплакалъ. „Нализлся царень, что ли?“— услышалъ онъ за плечами. Быстро перебѣжалъ онъ черезъ улицу и остановился на противоположномъ тротуарѣ съ румянцемъ стыда на щекахъ; снова стала онъ ходить медленно, очень медленно. Обгонявшіе

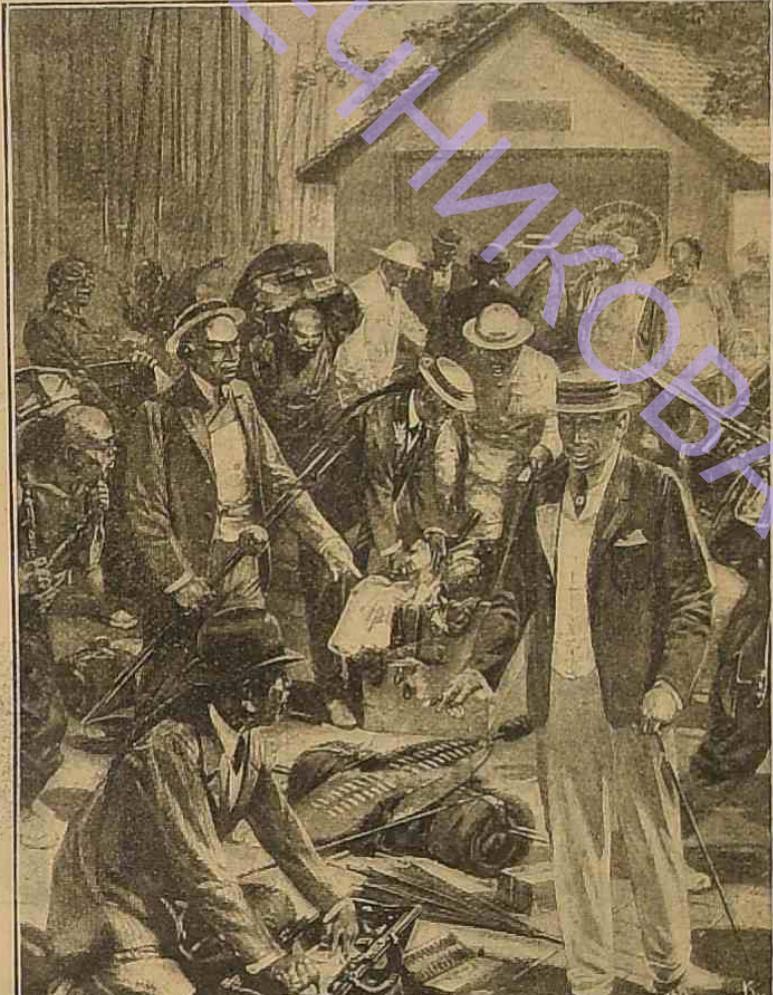
Черногорскій князь Николай, творящій судъ въ дворцовомъ саду.

Ген.-маиръ Д. В. Треповъ,
на дняхъ скончавшійся.

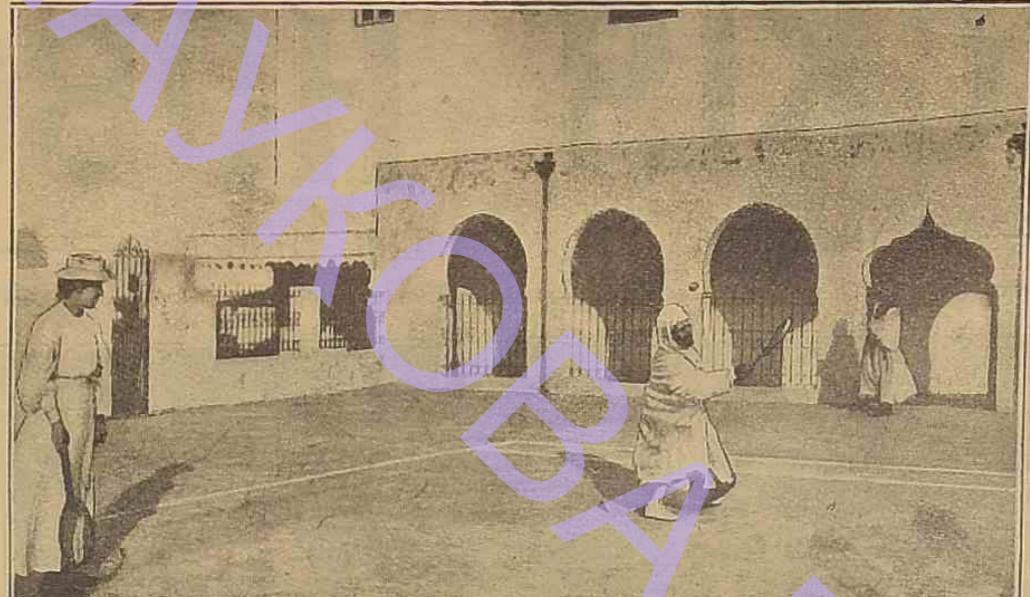
Ген.-маиръ В. А. Дедюлинъ,
назначенный дворцовымъ
командантъмъ.

Возвращеніе „Кулъ“ (китайскихъ рабочихъ) изъ южной Африки въ Китай.

В. М. Бѣжинъ,
режиссеръ труппы М. Ф. Вагрова

Развлечение марокского военного министра — Игра въ лаунъ-теннисъ.

Генералъ Гомецъ,
предводитель восстания на
Кубѣ.

его прохожіе мѣшили ему: каждую минуту онъ попадалъ комунибудь подъ ноги, говорилъ «виноватъ» и снова шелъ дальше. Промокшій, прозивъ онъ вдругъ очтился посреди освѣщенными дверями кондитерской. Кто то вошелъ въ нее, и Орскій послѣдовалъ за нимъ. Безосознательно закидалъ себѣ чай, безосознательно же сталъ кѣшать, ложкой въ стаканъ, когда лакѣ подали чай. Комнаты, обитыя яркими обоями, самоваръ кинутъ на столъ, блѣла рука протягивается къ нему: «Будешь еще пить чай, Генрихъ?»

Стаканъ выпалъ у него изъ рукъ и варебезгъ разсыпался по полу. Лакѣ подѣжалъ и сталъ втищирать сафетки платы, стулъ: «Прости меня, простите меня пожалуйста, я это вѣ нарочно...» бормоталъ Орскій... и зашагну, — и закрылъ лицо руками, вдругъ разрыдался; публика начала собираться... Самъ хозяинъ, пухлый, румяный иѣмѣцъ — вышелъ изъ за приватки. «Что за пустоты, сударь, изъ-за какогонибудь несчастного сканца... Правнесите воды... Ну, важное ли дѣло... можетъ быть не имѣтъ, сударь, денегъ при себѣ... поспѣшите, ну, успокойтесь же». Орскій взглянулъ на него мутными глазами: «бы, такой добры...» такоѣ добрый — расчувствовался Орскій и вдругъ бросившись на шею кондитеру, слова началъ рыдать: «Надо позвать для него извозчика...» — посовѣтовалъ кто-то изъ гостей. Позвали извозчика усадили Орскій, который машинально скъзкалъ свой адресъ. Извозчикъ пріѣхалъ; Орскій всунулъ вояній въ руку несколько серебряныхъ монетъ и вошелъ въ портала... На четвертомъ этажѣ передъ лѣвымъ квартирою снова обуздѣ его стражъ съ еще удвоенной силой; снова сбѣжалъ онъ съ лѣстницы и очтился на улицѣ. И опять началъ ходить медленно, долго: странно болѣлъ у него ноги въ голова. На углу какой-то улицы кто-то дернулъ его за рукавъ. Это было моло-

дая девушки съ страннѣмъ румянцемъ на щекахъ и странно блестящими глазами.

— Господинъ...
пойдешь со мною?

— Куда... — про-
борматъ Орскій.

— Къ намъ, туть
недалеко. Есть тамъ
музыка... карты...
пиво... ну...

— Музика... кар-
ты... пиво? Нѣтъ!

— Если желатель-
но, я могу пойти и на
домъ.

— На дому?...
Да... домой... пой-
дешь домой?

девушка кивнула
головой.

— Но на всю
ночь?

— На всю, такъ
на всю...

Она взяла Орскаго
подъ руку и шла
рядомъ съ нимъ.

— Далеко вы жи-
вете?

— Недалеко...
Какъ тебѣ звать?

— Насыпаютъ ме-
ня черной Олька.

— Отеса, это хорошо, очень хорошо.

— Я очень доволъ, что пду сегодня
на дому... Кажды день все одно и то же...
— говорила черная Олеся.

Она приглядывалась къ Орскому.

— Ты мнѣ нравишься... такой какъ-то
другой, такой блѣдный, худой.

Дошли до дома, ворота были заперты.

Орскій позвонилъ, а когда сторожъ отво-

Г. Недѣлинъ въ роли Ивана Мироныча.
(Городской театръ).

разъ, втолкнулъ дѣ-
вушку и пошелъ за
ней... Сторожъ попя-
тился назадъ... Пора
женный, оѣъ смотрѣлъ
имъ всѣдѣ, когда
они вышли на лѣт-
ницу.

Холера, скоти-
тина, — проворчалъ
онъ сердито и пло-
нулъ.

— Спички имѣшь?
спросилъ Орскій, от-
крывалъ клюемъ двери.

— Иѣю...
— Зажги огонь, — я
войду послѣ.

Когда она вошла,
девушка сѣла на
стулѣ и пристально
смотрѣла на него.

Онъ не обращалъ на
нее вниманія, бросая
шапку, и вышелъ по комнѣ,
время отъ времени по-
трясалъ ладонью лѣбо.

Она подошла къ не-
му, хотѣла его поцѣлов-
ать. Она оттолкнула
её. Ушибленная, сѣла
она опять на стулъ,
потомъ пожала плечи-
ми, сняла сафетку. Полудѣтъ, она снова
подошла къ Орскому — онъ не видѣлъ ея.
Она хотѣла лечь, но оѣъ съ бѣшенными
крѣкомъ бросилась на нее и оттолкнула отъ кро-
ка. Испуганная, она покатилась назадъ...
Потомъ прилегла на кушетку,

— Иди ко мнѣ... ты мнѣ врави-
шься.

Орскій ничего не отвѣчалъ.

Она стала на колѣни и, промокъ началь мо-

латься. — Вѣчный покой дай ей Господи,
вѣчный въ свѣтлый... Оѣъ замолчалъ и по-
томъ снова началъ: — Я былъ сильный. Гос-
пода, ты вѣ прахъ обратилъ силу мою въ
гордость мою и извѣсилъ я, расточавшій
мъ всѣдѣ, когда они вышли на лѣт-
ницу. И я молюсь и проклинаю, а Ты за
мои молитвы, за мои слезы и проклятия дай
еї вѣчный покой, Господи...

Олеся вскочила и испуганными глазами
всматривалась въ Орскаго.

— Да, жена — пробормоталъ онъ — сегодня
были похороны.

Олеся покраснѣла. — И ты сегодня поѣх-
те похоронъ меня сюда приводишь, меня...
Тыфу... спины такъ не тягаются... тыфу...

Она начала одѣваться.

Онъ подумалъ, что она хочетъ уйти, под-
голзъ къ ней, обнялъ ея ноги.

— Не уходи, одинъ не могу оставаться...
я боюсь... странно блохы... не уходи...

Она положилъ голову на ея колѣни и за-
плакала. — Не уходи, не уходи — всхлипывалъ
онъ.

— Нужно прилечь, ты болѣшь, — говорила
она, когда Орскій сталъ дрожать и постуки-
вать зубами.

— А ты не уѣдешь?

— Нѣтъ, не боись, во прилагъ.

Она повиновалась... легъ на кушетку.

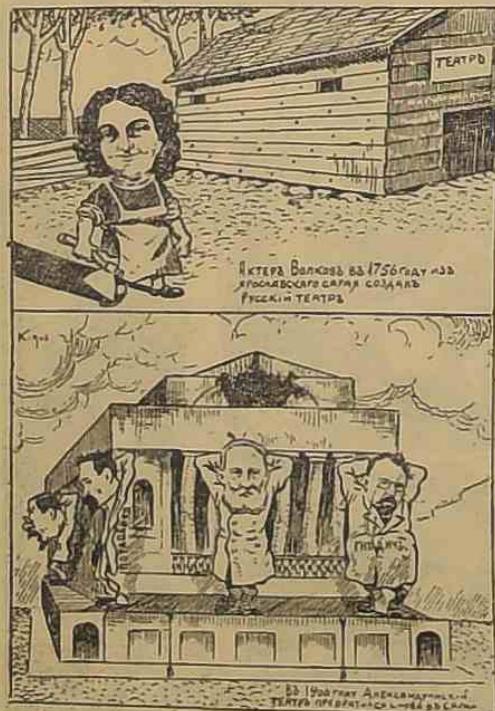
Она сѣла возлѣ него на стулъ, дотрону-
лась до головы Орскаго. Голова была страш-
но горячая. Смочила платокъ въ тазу съ во-
дой и положила ему на голову. Орскій ле-
жалъ неодвижно съ закрытыми глазами и
тихо стоналъ. Лампа бросала слабый блѣ-
дій светъ. Олеся перемѣнила ему примочки
снова салилась неподвижная, молчаливая,
полуобѣтая. Но ея исхода зѣкамъ мед-
ленно катились крупные, тяжелы слезы, стек-
али на обожженія лица, опозоренная столь-
кими пьяными устами.

Гавровскій.

Карикатуры и шаржи.

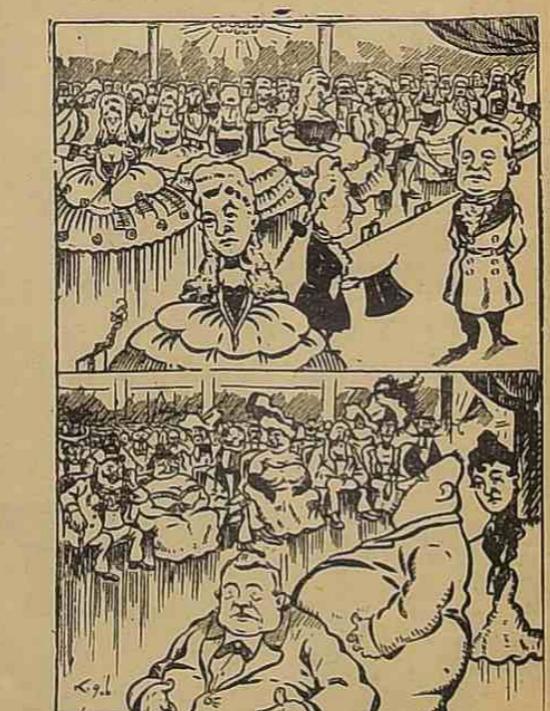
Къ 150-лѣтнему юбилею Александрийскаго театра.

Къ турецко-болгарскому конфликту.

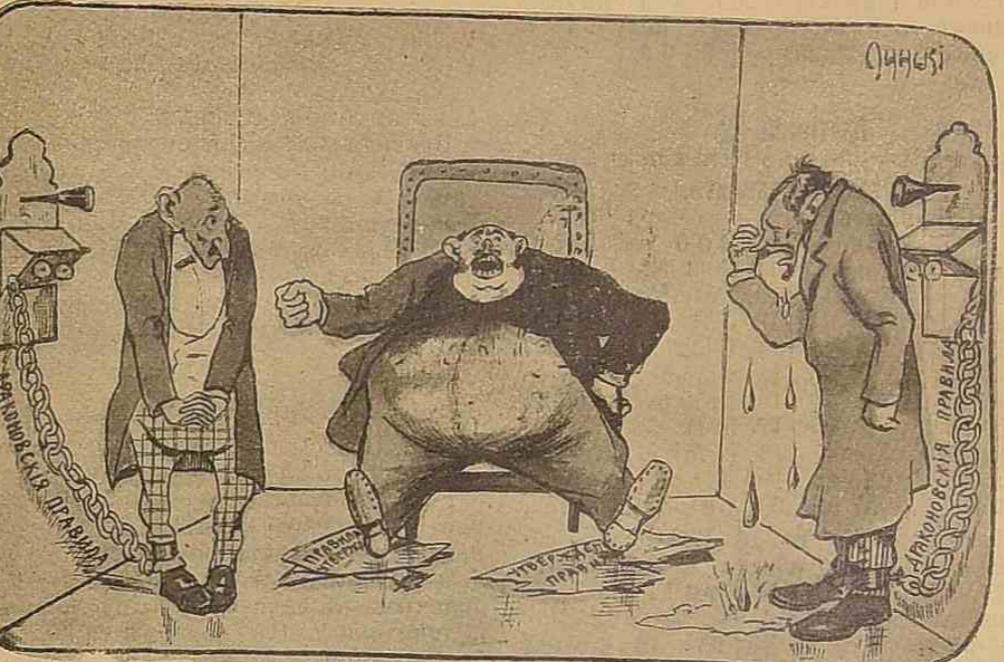

Въ 1756 году.

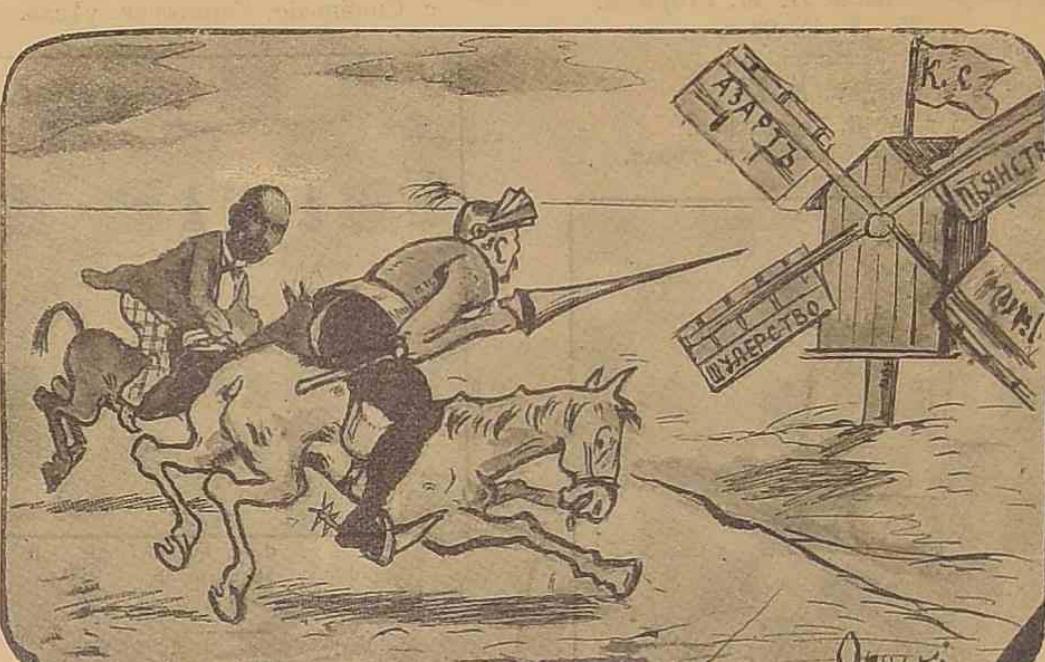

Въ 1906 году.

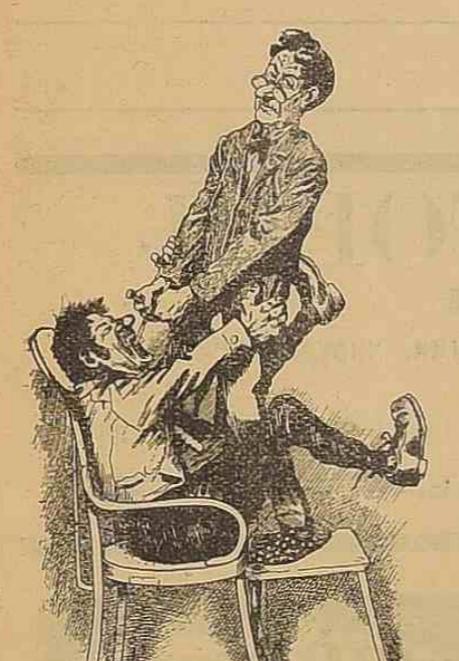
Одесскія картички.

Телефонный громовержецъ и абоненты.

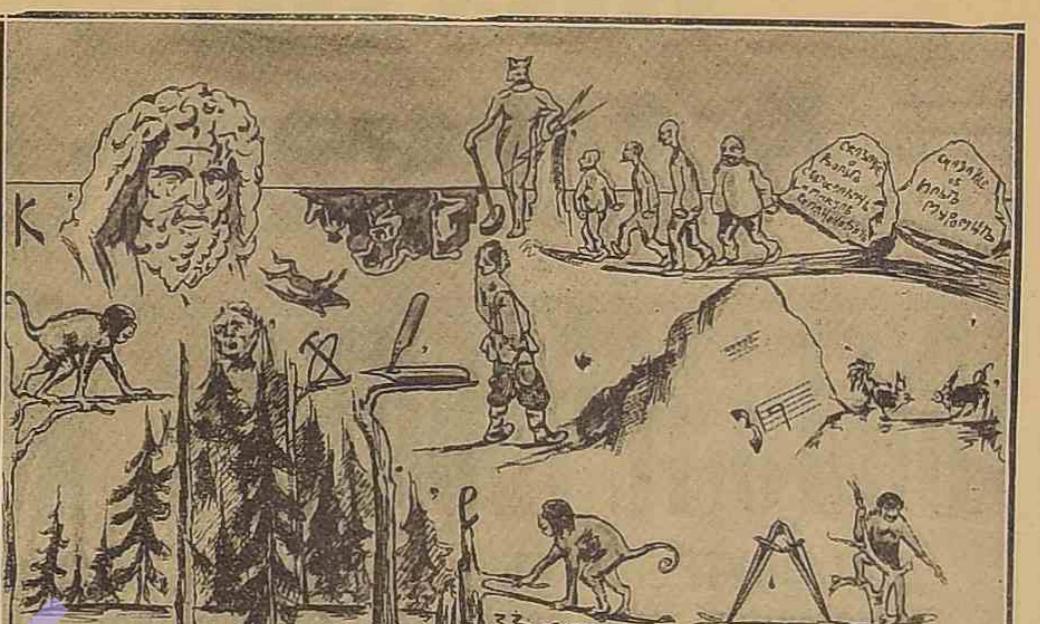
Правленіе с-ва приказчиковъ христіанъ (коммерческому собранію) Идемъ на вы!!!

Дантѣстъ. Пустаки... Не обращайте
вниманія на боль и постараитесь
пумать о чёмъ вибудъ пріятномъ...

Жена. Морилъ, ты спишъ?
Мужъ. Нѣтъ... Развѣ успѣшь при такомъ шумѣ?!

РЕЕБУСЪ № 21.
Рѣшеніе въ слѣдующемъ №.

Въ театръ.
— Послушайте, уберите ваши
уши... Оѣъ мѣшаютъ мнѣ видѣть...

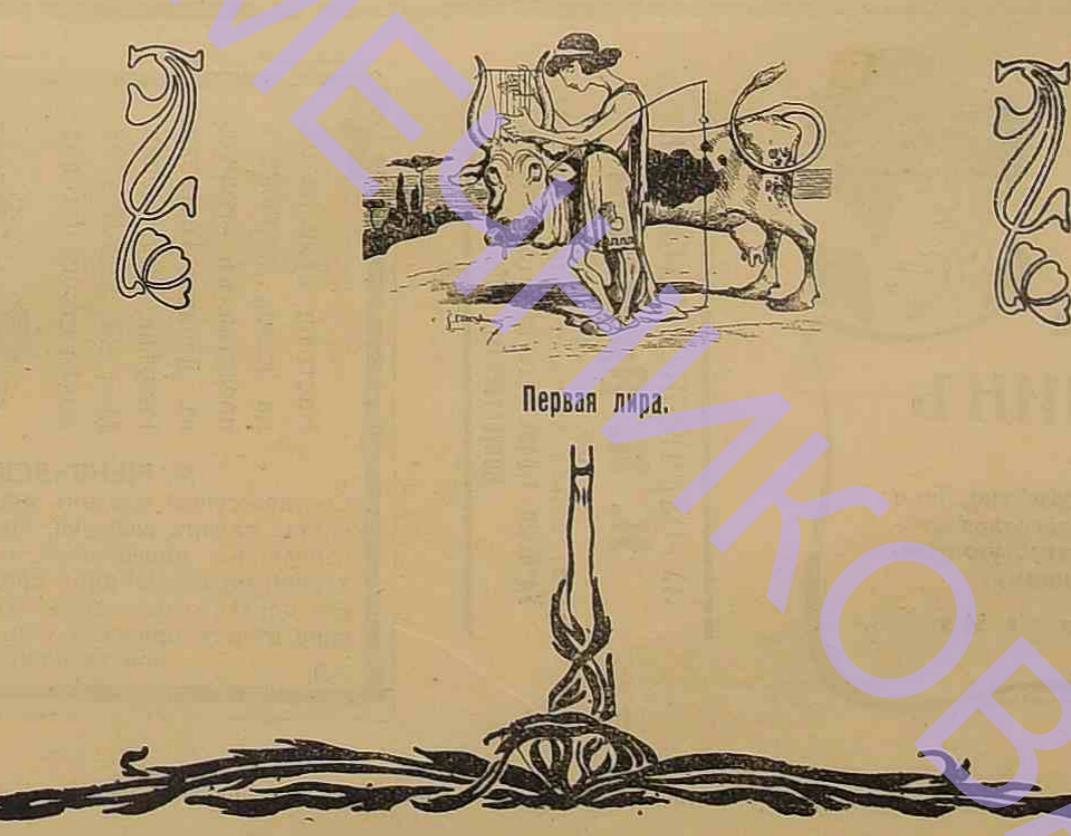
Всегда коммерсантъ.
Она. Сколько стоятъ поцѣлувъ?
Она. 20 марокъ...
Онъ. Быть можетъ, вы дадите мнѣ
образецъ для пробъ?..

Галстуки съ зеркальствомъ. Необхо-
димы для некрасивыхъ мужчины,
желающихъ привлечь вниманіе дамъ.

Новое примѣненіе негритянками носо-
выхъ колецъ...

Первая лира.

КАККОВА

